

Будь на то воля Эйбела, он бы вообще не пустил их ни на одно телешоу.

Стоило ему вспомнить последнее заверение Джеймса о том, что «все проблемы решены», как у менеджера заранее начинала раскалываться голова.

Но деваться было некуда: сингл «Ей в этом году шестнадцать» как раз штурмовал чарты, и продвижение требовало жертв.

К счастью, из-за своего эксцентричного и вызывающего стиля группа «Планета» сама по себе была ходячим инфоповодом. Приглашения от телеканалов сыпались рекой.

Для Эйбела это означало лишь одно: простор для маневра. Он мог лично отсеивать программы и выбирать для своих сорванцов те, что сочетали солидные рейтинги с относительно мирным, беззлобным форматом. Ему отчаянно хотелось избежать новых скандалов.

Первой в его списке оказалась передача «Послеполуденный чай с Беттиной» — уютное разговорное шоу, где знаменитости чинно попивали чай и вели светские беседы.

Атмосфера там царила непринужденная. Ведущая Беттина не блистала голливудской красотой, но располагала к себе мягкостью и обаянием. Она никогда не донимала гостей каверзными вопросами, предпочитая расспрашивать их о милых мелочах от лица преданных поклонников. Это помогало раскрыть звезд с совершенно иной стороны.

Рейтинги у выпуска вышли ошеломительными.

Настолько, что у Джеймса тут же завязался первый в жизни публичный роман. Разумеется, выдуманный желтой прессой — и именно с ведущей.

И винить-то его в этом было трудно.

Выросший в сугубо мужской семье, Джеймс понятия не имел, как нормально общаться с женщинами. Он совершенно не умел вести себя с противоположным полом и вечно всех раздражал.

Но парадокс заключался в другом.

При первом знакомстве он интуитивно нащупывал чужие слабости и умел искусно подлизываться.

Как говаривал его старший брат Линд:

— Джимми с малых лет умел будить в женщинах материнский инстинкт. Мама умерла, едва он появился на свет, поэтому все соседки, от почтенных бабушек до девчонок с нашей улицы, при виде него так и таяли от жалости. Сам Джимми терпеть не может, когда с ним сюсюкают. Но временами тоска по матери берет свое, и ему до смерти хочется тепла. В такие моменты он включает режим «паиньки» — прикидывается беззащитным, трогательным воробушком. Наши сердобольные кумушки тут же тащат его к себе, закармливают до отвала, тискают, целуют в лоб и провожают, набив карманы конфетами.

К тому же перед записью Эйбел плешь ему проел, умоляя вести себя прилично и вежливо.

Джеймс честно пообещал держать себя в руках.

Столкнувшись на съемочной площадке с Беттиной, он рефлекторно активировал тот самый «сиротский» режим, о котором рассказывал Линд.

Весь эфир он не сводил с ведущей преданного взгляда своих зеленых глаз, а на вопросы отвечал так сладко, словно мазал ее медом.

Например, когда Беттина задала традиционный вопрос от фанаток:

— Мальчики, а какие девушки вам нравятся?

Ланс уклонился от прямого ответа, выдав дежурную банальность про доброту и веселый нрав. Болдуин, к общему удивлению, густо покраснел и пробормотал что-то про изящные пальцы. Тео со смешком заявил, что ему нужна девчонка без тормозов, готовая ввязаться в любую авантюру.

Обычные, вполне невинные ответы.

И тут вклинился Джеймс:

— Такие, как вы.

Будь в студии Линд, он бы непременно шепнул зрителям, что его несносный братец заводит эту шарманку перед любой юбкой. Но Линда рядом не оказалось, и все приняли слова за чистую монету.

Юный, смазливый солист «Планеты» выглядел настолько искренним, что публика замерла. В его возрасте увлечения вспыхивают мгновенно, они полны драмы и юношеского максимализма. Почему бы ему не втрескаться в зрелую, опытную женщину? К тому же

смотрел он на нее без тени улыбки — серьезно и проникновенно.

По ходу записи Джеймс отпустил еще парочку подобных намеков.

Под конец Беттина не выдержала и залилась краской прямо перед камерами. Лишь многолетний профессиональный опыт помог ей вовремя перевести тему и довести эфир до конца без сучка и задоринки.

Однако выходка Джеймса не осталась незамеченной.

Едва они перешагнули порог гримерки, Ланс насупился, бесцеремонно сцапал вокалиста за шкурку и утащил в угол.

— Ты что там устроил, мать твою? — прошипел он. — Склеить ее решил прямо в эфире? Головой думай, кретин!

— Ты о чем вообще? Кого я склеить решил? — искренне изумился Джеймс.

Он уставился на Ланса с самым невинным видом, явно не понимая, в чем провинился.

— Я просто был вежлив. Ты что, оглох? Эйбел сам битый час перед съемками зудел, чтобы мы вели себя по-человечески с ведущей. Ну я и старался. Весь вечер относился к ней как к родной матери. Что не так-то?

Ланс онемел. Как к матери?

Зная подноготную семейки Лемонов, он начал догадываться, в чем дело.

«Этот обделенный материнской любовью придурок просто понятия не имеет, как нормальные сыновья общаются с мамами, — подумал Ланс. — Наверняка почерпнул свои представления из каких-нибудь слащавых романов».

Но у этой невинной глупости были последствия.

Беттина тем временем шла по коридору за кулисами. Внутри у нее все трепетало: она никак не могла решить, стоит ли подойти к юному рокеру и прокомментировать его двусмысленные намеки. И надо же было такому случиться — она догнала парней как раз в тот момент, когда Джеймс вещал про «родную мать».

Земля ушла у нее из-под ног.

«Какая, к чертям собачьим, мать?! Да я старше тебя всего на пару лет, недоумок!»

Сцена получилась неопишимо неловкой.

Когда Ланс заметил застывшую неподалеку ведущую с абсолютно каменным лицом, ему самому захотелось сквозь землю провалиться.

Но Джеймс, блаженный идиот, даже ухом не повел. Он весело улыбнулся, сверкнув своими фирменными клыками, и приветливо помахал женщине рукой:

— Беттина! Нужно что-то еще сделать? Сфотографироваться или подписать что-нибудь?

Беттина сделала глубокий вдох, стараясь не сорваться на визг.

— Да, есть одно дело, — ледяным тоном ответила она.

— Конечно! Говори, я всё сделаю!

— Катись-ка ты отсюда к чертям собачьим.

Джеймс осекся. До него наконец дошло, что он опять где-то крупно напортачил.

Впрочем, ничего нового.

«Женская логика — это за пределами моего понимания», — обреченно подумал он.

К этому моменту Эйбел, кажется, окончательно смирился со своей горькой долей.

Он махнул рукой на репутацию группы и перестал читать Джеймсу нотации. Теперь его волновали исключительно рейтинги и частота упоминаний в прессе, поэтому он безжалостно расписал график парней на неделю вперед, загнав их еще на несколько телепередач.

Ничего путного из этого не вышло.

Все эфиры походили друг на друга как две капли воды. Вопросы ведущих были серыми, плоскими и унылыми.

Журналисты с упорством маньяков копались в их грязном белье: выпрашивали про детство на окраинах Ливерпуля, брошенную учебу, вредные привычки и вкусы в любви.

Один и тот же глупый анекдот приходилось травить по пятьдесят раз за день. Они что, все поголовно кретины?

Когда первое восторженное опьянение от телекамер прошло, ребята начали откровенно уставать и раздражаться.

Вместо того чтобы бесконечно трясти перед зрителями своим прошлым, им до смерти хотелось поговорить о творчестве. Обсудить аранжировки, концепцию альбома, поделиться тонкостями гитарного строя или хитростями звукозаписи...

Но это никого не волновало.

Вообще.

В конце концов парни уяснили одну простую истину.

Телевидение — это дешевый балаган для обывателей. Стоит тебе заикнуться в эфире об альтернативном строе гитары или тонкостях перехода на септаккорды, как продюсеры тут же покрутят пальцем у виска.

Ребята недоумевали: неужели работа рок-группы теперь заключается не в том, чтобы писать музыку, репетировать до седьмого пота и выкладываться на сцене, а в том, чтобы развлекать толпу байками из подворотен, кривляться на камеру и отчитываться о своих сексуальных предпочтениях?

«Ребята, да это же просто сказка! — язвил про себя Джеймс. — И зачем только мы корячимся? На кой черт нам сочинять хиты, срывать голоса на репетициях и падать от усталости после концертов? Достаточно просто заливаться соловьем перед объективами, нести вдохновенную чушь, и толпа сама понесет тебя на руках. Боже, я обожаю шоу-бизнес!»

Сарказм сарказмом, но их терпению быстро пришел конец.

Во время очередной записи лощеный ведущий с приторной улыбкой обратился к Джеймсу:

— Джимми, скажи, а какую девушку ты видишь рядом с собой? Блондинку, как ты сам, жгучую брюнетку или, может, рыжую бестию?

Джеймс едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Какому имбецилу вообще пришла в голову мысль выбирать спутницу жизни по цвету волос?

Но, помня наставления Эйбела, он постарался ответить как можно мягче, проявив капельку снисхождения к убогому собеседнику:

— Приятель, ты отстал от жизни. Слыхал когда-нибудь о краске для волос?

В студии раздался дружный взрыв хохота. Ведущий заливался так, будто услышал лучшую шутку в своей жизни.

Джеймс лишь молча смотрел на беснующуюся толпу, искренне не понимая, над чем тут смеяться.

С каменным лицом он уставился куда-то поверх голов зрителей. В этот момент его душу захлестнула волна горького раскаяния.

«Какой же я кретин, — мысленно взвыл он, проклиная всё на свете. — Господи, за какие грехи мне это наказание? Да я лучше соглашусь сдохнуть на сцене, стереть пальцы в кровь и сорвать связки к чертовой матери, чем проведу еще хоть секунду в компании этих законченных дегенератов!»

Эта глухая ненависть к фальшивой индустрии развлечений сделала свое дело. С каждым новым интервью парни становились всё холоднее и резче. Они больше не желали натягивать дежурные улыбки и лицемерить ради рейтингов. В эфирах они вели себя точно так же, как за кулисами — дерзко, небрежно и без лишних церемоний.

Для Эйбела это означало лишь одно: его подопечные снова сорвались с цепи. С трудом завоеванное благоразумие испарилось без следа.

Каждый день менеджер вздрагивал от любого телефонного звонка, со страхом ожидая услышать в трубке разъяренный голос очередного телепродюсера:

«Немедленно заберите своих гребаных дикарей, пока они не разнесли нам студию и не прибили ведущего!»

— Да перестань ты драму нагнетать, — отмахивался Джеймс, когда Эйбел в очередной раз хватался за валидол. — Ну, ввернули пару крепких словечек, делов-то. Мы же мирные ребята, никого не бьем.

Несмотря на скандальное поведение, регулярное появление на экранах принесло свои плоды — популярность «Планеты» росла как на дрожжах.

Вот только репутация у них в этот период была, мягко говоря, сомнительной. Из-за их упорного нежелания играть по правилам пресса рисовала из них настоящих чудовищ.

Джеймс, выросший в трущобах, так и не избавился от уличных привычек. Чуть что, он срывался на глухой ливерпульский скауз, щедро пересыпанный отборной бранью. Ланс, пускай и умел при необходимости держать лицо и говорить за всю группу красивым слогом, отличался

запредельным высокомерием. Его ядовитый сарказм бил без промаха, оставляя от оппонентов мокрое место. Болдуин вообще избегал людей: он предпочитал молча отсиживаться за своей установкой, подавая голос лишь тогда, когда нужно было выдать сокрушительный барабанный ритм. Ну а Тео вел себя как классический придурок, сводя любые разговоры к банальным подростковым темам — деньгам, славе и доступным девкам.

Журналисты быстро окрестили группу «бандой ливерпульских отморозков».

А Джеймс и вовсе удостоился звания главного хулигана Британии.

Ему припомнили всё: и слишком вольное обращение с фанатками, и вызывающую выходку в гостях у Беттины, которую пресса тут же раздула до наглого домогательства в прямом эфире.

Какая чушь! Его нагло оклеветали!

Ладно еще фанатки, но обвинения в приставаниях к Беттине...

Джеймс, чувствуя уколы совести, порывался во всеуслышание заявить, что не хотел обидеть ведущую, и очистить ее честное имя.

К счастью, Ланс вовремя поймал его за руку.

Того позора в коридоре за кулисами было более чем достаточно. Представить только, если бы этот дуб в интервью серьезно ляпнул журналистам: «Да вы что, я к ней не клеился, я просто видел в ней маму!»

После такого Беттина наверняка пришла бы по его душу с мясницким тесаком.

Слухи о романе дерзкого новичка-рокера и популярной теледивы вспыхнули с новой силой. Хотя после эфира они ни разу не пересекались и даже не думали о продолжении знакомства, папарацци не давали им прохода, отслеживая каждый шаг.

Джеймса грызло чувство вины перед женщиной. Ему казалось, что он испортил ей карьеру.

Впрочем, его угрызения совести улетучились в одно мгновение.

Беттина нанесла сокрушительный ответный удар.

На днях какой-то ушлый репортер умудрился поймать ведущую у выхода из телецентра.

— Мисс Беттина! — затараторил он, подсовывая ей микрофон под нос. — Скажите, у вас есть

шансы сойтись с Джеймсом, солистом «Планеты»? Вы могли бы стать парой?

— Исключено, — отрезала она без малейших колебаний.

Такая мгновенная и жесткая реакция лишь подлила масла в огонь. Репортер почуял сенсацию и тут же вцепился в нее мертвой хваткой:

— Но почему?

Беттина даже не замедлила шаг, гордо цокая высокими каблуками по брусчатке. Через плечо она бросила ледяной ответ:

— Я не сплю с детьми и домашними питомцами. Так что его кандидатуру я отсеяла сразу.

Разумеется, таблоиды на следующий же день растащили эту цитату на заголовки.

Редактор местной газетенки проявил особое чувство юмора и снабдил заметку смачным снимком. На фото ничего не подозревающий златовласый вокалист с растрепанной шевелюрой и сонным выражением лица тупо смотрел в объектив, а прямо над его макушкой красовалась крупная издевательская надпись: «Ребенок или зверушка?»

Ланс откровенно катался по полу от хохота.

Джеймс же, обделенный зачатками логики, впал в глубокий ступор. Он искренне не понимал: с чего вдруг Беттина взъелась на него? Откуда всплыли эти дурацкие сплетни? Зачем она вообще заговорила про постель и кого она имела в виду под зверушкой?

Голова у него шла кругом.

Все эти хитросплетения взрослой жизни казались ему китайской грамотой.

Ланс лишь утирал слезы от смеха и ничем не мог помочь бедняге.

Как назло, на выходе из отеля их караулили репортеры, жаждущие комментариев.

Услышав очередной дурацкий вопрос о «детях и животных», Джеймс раздраженно сузил свои зеленые глаза.

Он зло сплюнул под колеса, раздраженно зажал зубами сигарету и, перейдя на сочный ливерпульский скауз, выдал бурную тираду:

— Да какие, в пизду, комментарии?! Не я это дерьмо нес, так что у нее и спрашивайте! Я уж точно человек, а не гребаный пудель — у меня ни шерсти, ни хвоста нет. А насчет ребенка... Блядь, мне что, штаны прямо здесь снять, чтобы доказать обратное?!

<http://bllate.org/book/19389/1999617>